

Мария Зарская

**Женщина-
фейерверк**

Мария Барская

Женщина-фейерверк

«Антон Иванов, Анна Устинова»

Барская М.

Женщина-фейерверк / М. Барская — «Антон Иванов, Анна Устинова»,

Имя ее необычно – Глафира. А род ее занятий добавляет к экстравагантному имени шлейф из бенгальских огней, конфетти и серпантина. Потому что она – женщина-праздник, женщина-фейерверк. Нет ей равных в организации торжеств. И летает она в круговерти свадеб, юбилеев, вечеринок, как комета. Никто и не догадывается, что ее искрометная деятельность – попытка забыть о горькой утрате, личной неустроенности. Но в один прекрасный день и Глафире улыбается счастье, такое, что вновь загорается огонь на остывших углях домашнего очага.

© Барская М.

© Антон Иванов, Анна Устинова

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Барская

Женщина-фейерверк

Глава I

Раскрыв блокнот, я начала проверять, все ли готово к свадьбе? Мне казалось, что да, однако никогда не вредно проверить еще раз. Не хотелось, чтобы в последний момент возникли какие-то недоразумения.

Я пробежала глазами список. За ресторан и торт можно не волноваться – и тем, и другим я занималась сама. С лимузином вроде бы тоже должен быть полный порядок. С этой фирмой я уже много раз имела дело, до сих пор не подводили, хотя до сих пор это не касалось свадьбы. Дело в том, что обычных машин у них много, и они взаимозаменяемы, а вот свадебный лимузин представлен в единственном экземпляре – огромный розовый «Кадиллак». Весь розовый. И снаружи, и изнутри, вплоть до руля. По-моему, пошлость невероятная, но всем почему-то нравится. Популярностью пользуется необыкновенной. Чего там внутри только нет! И телевизор с видео, и кровать, и бар – не хватает разве что бассейна. Но если у розового чуда мотор в нужный момент не заведется, что нам тогда прикажете делать? Не коней же в него запрягать. Хотя, возможно, это смотрелось бы даже оригинально. Я живо вообразила картину. Розовый лимузин, запряженный шестеркой белых коней! Эффектно, ничего не скажешь. Только вот утянут ли шесть лошадей такую махину? Сколько, интересно, весит лимузин? Надо при случае у владельцев узнать. Значит, вес «Кадиллака» плюс люди. Их вместе с шофером наберется человек семь. А это где-то полтонны. Пожалуй, лошадки справятся. А вообще, надеюсь, все обойдется: и машина не подведет, и свадьба пройдет на ура.

Вот только по поводу риса у меня есть серьезные возражения. Невеста в каких-то фильмах увидела, как новобрачных рисом осыпают, и загорелась: красиво, мол. В кино – может быть, но в жизни... Вычесывай потом этот рис отовсюду. Да и неизвестно, кто им швыряться станет. Например, какой-нибудь друг жениха, который успел перед свадьбой основательно подогреться. Обязательно надо учитывать наши родные условия. Не в Америке ведь живем, и не в Италии. Я пробовала объяснить невесте, что безо всяких круп обойдется спокойнее, но она заиклилась намертво: «Хочу, чтобы было красиво!» И точка. Придется возиться с рисом. Вот только не знаю: вдруг он у них там, за границей, какой-нибудь специальный? Мы-то обычный купили, в супермаркете. Теперь я засомневалась: может, его нужно обжаривать или взрывать, чтобы получился легкий, как попкорн? А то еще травмы кому нанесем. Нет, это надо наверняка выяснить. Сейчас велю кому-нибудь в Интернете пошарить. Ох, не нравится мне эта идея с рисом!

В остальном вроде полный порядок. Подружки невесты и друзья жениха всесторонне проинструктированы. Сценарий выкупа невесты написан, роли всем розданы. Тамада к исполнению обязанностей готов. Его текст я тоже проверила, и он его уже выучил. Впрочем, даже если и забудет, у него есть шпаргалка, сверится. Так, что еще? По-прежнему глядя в блокнот, я задумалась.

В это время зазвонил мой мобильный. На экране высветился номер невесты. Сердце у меня ёкнуло. И совершенно беспричинно засосало под ложечкой: замуж, что ли, раздумала выходить в последний момент? Это была бы полная катастрофа. Иногда с невестами такое случается, как, в общем-то, и с женихами. Пугаются в самый последний момент. У меня несколько знакомых так свадьбы и не сыграли. Страшно им делалось. Ну ничего. Даже если и так, я ее сейчас уговорю. Вероятно, ей именно это и надо. Иначе чего бы ей мне звонить.

Предчувствия меня не обманули. В трубке слышались истеричные всхлипывания.

– Что случилось? – с бодрым сочувствием поинтересовалась я. – Лиза, по какому поводу слезы?

– Глафира Филипповна, катастрофа, – прорыдала в ответ невеста.

– Поссорились?

– Нет. Игорек еще ничего не знает.

– О чем? – я насторожилась, мысленно перебирая возможные варианты конфликта. Вчера у нее был девичник. Неужели эта глупышка напилась и ухитрилась с кем-то изменить жениху? Тогда и впрямь катастрофа. Потому что клуб с мужским стриптизом для их девичника тоже я организовывала. С другой стороны, никто от меня не требовал блюсти ее нравственность, и я с ними в клуб не ходила. Главное, жених ничего не знает. То есть пока еще дело поправимо. Если, конечно, Лиза не умудрилась влюбиться в того, с кем изменила Игорю.

– Глафира Филипповна, умоляю, помогите, – продолжали всхлипывать в трубке.

– Во-первых, возьми себя в руки, – велела я. – А во-вторых, объясни мне как следует и по порядку. Пока не пойму, в чем дело, помочь тебе не смогу.

– Глафира Филипповна, платье погибло! – простонала бедная Лиза.

У меня отлегло от сердца. Платье все-таки не жених. Хотя, конечно, ситуация оставалась достаточно серьезной.

– Что конкретно с платьем? – твердым голосом осведомилась я.

– Я его примерила. Решила еще раз посмотреть. И пролила целую чашку кофе! Теперь весь подол коричневый.

Меня пробрал холодок. Будто среди весны вдруг грянули заморозки.

– Надеюсь, тебе не пришлось в голову его замочить?

– Нет. Я сама не умею, а мамы нет.

– Слава богу! – вырвалось у меня. – Значит, так. Ты с ним ничего не делаешь. Просто снимаешь с себя и вешаешь на плечики. А я к тебе выезжаю.

– Глафира Филипповна, вы его отстираете? – сквозь слезы в ее голосе прозвучала надежда.

– Я его отчищу. Во всяком случае, постараюсь. Жди.

На ходу запихивая телефон в сумку, я кинулась к своей машине. Только бы не застрять в пробках! В дороге, не теряя времени, я принялась названивать в химчистку, где работала моя знакомая. К счастью, она оказалась на месте.

– Марина, кофе отчистишь?

– Смотря какой и от чего, – услышала я в ответ. И лишь после этого Марина полюбопытствовала: – Глаша, ты?

– Я, конечно, кто же еще.

– Понятно, – обрадовалась Марина. – Что извезюкала?

– Платье свадебное.

Марина ахнула:

– Замуж выходишь? И скрывала! Даже на свадьбу не пригласила!

Я поняла: на меня смертельно обиделись. Требовалось срочно исправить ситуацию. Я скороговоркой выпалила:

– Свадьба не моя, и платье не мое!

– Сашка выскочила! – возликовала Марина. – Ну молодец! Муж-то кто? Ты им довольна?

– Постой, Мариш. Сашка моя тоже ни при чем.

– Неужто Мавра? – В голосе Марины смешались крайнее замешательство и шок.

– Типун тебе на язык! – воскликнула я. – Мавре моей, если ты не забыла, только тринадцать.

– Да мне, в общем, тоже так казалось, – смутилась моя знакомая. – Просто от Мавры твоей чего угодно можно ожидать.

– Такое, пожалуй, даже для нее чересчур сильно.
– Не знаю, не знаю. Она у тебя... все может.
– Оставим эти глупости, – перебила я. – Свадьба совершенно чужая, и платье тоже.
– Чего же тогда так волнуешься?
– Я по долгу службы за него отвечаю. Отчистишь?
– Попытаемся, но не обещаю. Кофе напиток такой... очень трудный. А ты что, на новую работу перешла?

– Работа старая. Просто обычно мы свадьбами не занимаемся. Но я у папы невесты несколько раз в фирме корпоративные вечеринки организовывала. Он остался доволен. И решив, что от добра добра не ищут, заказал нам дочкину свадьбу.

Марина вздохнула.

– Просто не знаю: радоваться мне за тебя или сочувствовать. Свадьба, как говорится, дело тонкое...

– Не радуйся и не сочувствуй. Лучше помоги делом.
– Платье, конечно же, белое, – мрачно изрекла Марина.
– Естественно, не черное, – у меня вырвался нервный смешок.
– С черным, между прочим, было бы легче, – сказала Марина.
– Издеваешься, да? У меня не похороны, а свадьба!
– Вот это и жалко, – на полном серьезе проговорила она. – От черного кофе наверняка бы отошел, а от белого – не знаю. Ладно. Привози завтра утречком, поколдуем.

– Марина! – закричала я. – Мне нужно сегодня! Сейчас. Завтра уже свадьба! А у меня невеста в истерике из-за этого платья.

– Сейчас не могу. Смена кончается. Я уже домой собираюсь.
– Мариночка! Милая! Три цены плачу! Только сегодня! Только дождись!
– Если сегодня, то пять цен, – она мигом поняла свою выгоду. – И без никакой гарантии. Бог знает, сколько химикатов на твоё платье угрохать придется.

«Ну что за народ! – пронеслось у меня в голове. – Все на деньги меряют. Никаких человеческих чувств не осталось».

– И учти: только ради нашей дружбы, – словно прочтя мои мысли, добавила Марина. – Ни для кого другого и за десять цен бы не согласилась.

Нет, мир все-таки не так уж плох! Есть, есть место дружбе! С этим оптимистическим выводом я припарковала машину у Лизиного подъезда и, бросив в трубку: «Мариночка, спасибочки огромное, по гроб жизни обязана! Жди меня! Скоро буду!» – поспешила к невесте.

Зареванная Лиза ждала меня в дверях, прижимая к груди завернутый в целлофан шедевр свадебного «от кутюр».

– Смотреть будете? – спросила она.
– Зачем? От моих взглядов пятна не исчезнут. Я не волшебница. Пусть смотрит тот, кто будет чистить.

– А я думала, вы сами.

Оказывается, здесь обо мне такого высокого мнения! Считают меня всемогущей. Есть от чего возгордиться. Однако я скромно ответила:

– Для любого дела существует профессионал. Я уже договорилась. Сейчас отвезу.
– Но свадьба ведь завтра, – привалившись к мраморной колонне, подпиравшей свод внушительных размеров холла, простонала бедная Лиза.

– Вечером я твоё платье верну.

Про Маринино «без никакой гарантии» я предпочла умолчать, чтобы не вызвать новой волны истерики. Будем решать проблемы по мере их поступления.

Слезы у Лизы высохли.

– Спасибо большое, Глафира Филипповна. А то я уже думала, придется отменять свадьбу.

– В крайнем случае утром новое бы купили, – сказала я.

– Что вы! – возмущенно похлопала наивными голубыми глазами невеста. – Я хочу выходить замуж только в этом. Мне его два месяца в Париже на заказ шили.

Я промолчала, а про себя подумала: «Если тебе так близко и дорого именно это платье, то зачем ты его примеряла и одновременно пила кофе?» Вопрос, конечно, риторический и задавать его вслух я не собиралась. Хотя бы по той причине, что, во-первых, ответ ровным счетом ничего не менял в сложившейся ситуации, а во-вторых, уверена, Лиза своим действиям не смогла бы найти объяснения. Эта девушка, насколько мне удалось ее узнать, вообще шла по жизни, руководствуясь больше не разумом, а сиюминутными импульсами.

– Ладно. Давай платье, и я поехала. Время идет, а химчистка ждет.

– Вы уж постарайтесь, Глафира Филипповна, – глаза у невесты вернулись на мокрое место.

Маленькая химчистка, затерявшаяся во дворах на проспекте Мира, принадлежала Марине. Весь персонал состоял, собственно, из нее самой, ее помощницы и мужа помощницы. Возможно, в Москве есть химчистки и пошикарней, однако эта была единственной, которая вызывала у меня стопроцентное доверие. Марина – профессионал высокого класса. Начинала еще в государственных химчистках, затем работала в отелях вроде «Метрополя». Словом, уж если кто и мог свести пятно, не испортив при этом вещь, то только она. Марина за свою жизнь уйму вещей перечистила. И из тончайшей кисеи, и из нежнейшей замши, и выходные платья – с аппликациями и без оных. Даже шубы она умела чистить так, что они становились как новенькие.

Над свадебным шедевром из Парижа пришлось поколдовать основательно. Слышала бы Лиза, что про нее при этом говорила Марина! Но мне важнее был не процесс, а результат, который оказался блестящим. Победу над пятном Марина одержала полную и окончательную, и если сотня-другая крепких словечек в адрес невесты ей помогла, ничего не имею против.

– Сизифов труд, – забирая у меня деньги, философски заметила она. – Завтра ведь измордуют шибче сегодняшнего. Тогда привози. Снова почищу.

– Кто их знает, может, они захотят сохранить его со всеми пятнами, так сказать, на память о торжестве, – предположила я.

– А ты все равно предложи, – не сдавалась Марина. – В нашем деле лишний клиент никогда не помешает. Вот, возьми мою визитку. Отдашь им.

– Ты лучше мне счет выпиши, – напомнила я. – Мне ведь перед ними надо потом о расходах отчитываться.

– Это пожалуйста, – и Марина, заметно оживившись, добавила: – Как ты думаешь, может, еще пару цен им накинем? Себе возьмешь.

– Не наглей, – осадила ее я. – Мне и так неплохой гонорар заплатят.

– Ну что ты, Глафира, за человек, – с осуждением покачала она головой. – Никогда своей выгоды не блюдешь. Твоя честность тебя погубит.

Домой мне удалось попасть только в двенадцатом часу ночи. Скинув туфли, я с облегчением сунула гудящие ноги в тапочки и немедленно напоролась на суровый взгляд своей младшей дочери.

– Мать, где ты шляешься? – мрачным басом осведомилась она. – Тебе тут телефон оборвали.

– А на мобильный не могли позвонить? – удивилась я.

– Он у тебя не работает.

Ахнув, я начала шарить в сумке. Мобильник был мертв: аккумулятор разрядился.

– Кто хоть звонил? – заискивающе спросила я.

– Разные, – презрительно бросила Мавра, протягивая мне список из десяти фамилий.

Пробежав его взглядом, я поняла: надежда принять ванну и забраться в постель рухнула или, по крайней мере, откладывалась часа на два, в течение которых придется посидеть на телефоне. Ох, что за жизнь!

– Ты бы, мать, хотя бы, как другие нормальные бизнес-вумены, завела вторую трубу, а то все по старинке с одной скачешь, – тем временем занудно наставляла меня Мавра. – Какой уж раз тебе повторяю.

– Нет уж, – вздохнула я. – Две трубки меня совсем замучают. Вообще никакого покоя не будет.

Мавра ехидно фыркнула:

– Покоя. У тебя его и так никогда нет.

– Хватит меня пилить, – вяло попыталась я отбить нападение.

– Как же, запилишь тебя, – в том же тоне продолжила моя дорогая дочь. – Пилу затупишь.

– Слушай, я, между прочим, работала и очень устала.

– А я тут тоже не в носу ковыряла, – отрезала Мавра. – К контрольной готовилась, и еще пришлось твоим секретарем пахать. Так что, мама, с тебя причитается, – подвела она итог и величественно удалилась, захлопнув за собой дверь.

А я снова в изнеможении опустилась на пуфик в передней. Как так вышло, сама не знаю, но факт остается фактом: Мавра почему-то всегда меня воспитывает.

Со старшей дочерью, Александрой, у нас было совсем по-другому. Все роли распределялись абсолютно правильно. Я – мама, она – дочь. Я воспитывала, Сашка слушалась. И это притом, что я была тогда моложе и разница в возрасте у нас с ней гораздо меньше, нежели у меня с Маврой. Но Сашка всегда знала свое место. Теперь она уже взрослая, и мы стали скорее подругами, однако даже сейчас по отношению ко мне такого, как Мавра, она себе не позволяет.

По-моему, Мавра, едва родившись, начала воспитывать и меня, и Сашку. Всегда была такая серьезная! И даже когда еще говорить не умела, смотрела с таким укором, что я сразу понимала: давно пора поменять ей памперс, или покормить уже на целых тридцать минут опаздываю, или еще что-нибудь. В общем, она неустанно поддерживала во мне ощущение непроясненной вины и сознания, что я – никудышная мать. Если честно, я Мавру иногда даже побаиваюсь. Умеет она за малейший промах пригвоздить к позорному столбу.

Сашка мне тоже однажды призналась:

– Тебя, мать, я не боюсь. Если бы мы с тобой только вдвоем жили, запросто в свою очередь могла бы не вымыть пол, но как представляю себе, что мне Мавра по этому поводу скажет, даже умирать буду, но вымою. И как ты только умудрилась такую родить! Ни на тебя, ни на меня ведь не похожа! И, самое главное, даже на своего папочку. Может, она у тебя от кого-то другого, а?

– Сашка, не хами, – рассердилась я. – За кого ты меня принимаешь? Я никогда не изменяла ни твоему отцу, ни ее.

– Значит, в роддоме подменили, – выдвинула она другую версию. – Наверное, кто-то вовремя просек ситуацию и сбросил тебе неликвид. А нашу замечательную, добрую, тихую, скромную девочку забрали себе.

– Скажешь тоже, Сашка, – отмахнулась я.

– Нет, я точно уверена: так все и было. Думаешь, это такая редкость, когда детей в роддомах подменяют?

– Да прекрати. Мавра – вылитая моя бывшая покойная свекровь.

– Тебе виднее, – пожала плечами Сашка. – Я эту твою свекровь всего два раза в жизни видела.

– И ничего не потеряла, – заверила я. – Сама бы ее с удовольствием никогда не видела.

– Кажется, она нам не особенно докучала, – заметила Саша.

– Тебе, – уточнила я. – А для меня она вечно была рядом, как незримый укор. Несчастливая, брошенная мать, потерявшая сына по вине коварной жены-разлучницы!

– Ничего себе брошенная! – возмутилась Сашка. – По-моему, дядя Жека половину времени у нее пропадал. То мама болеет, то у нее плохое настроение...

– Ой, Сашка, что старое ворошить, – перебила я. – Обоих уже нету.

Она вздохнула.

– Нет, мама, ты не подумай. Против дяди Жеки я ничего не имела. Он был хороший. Только вот мне кажется, его мамочка специально сделала так, чтобы они на даче угорели.

– Что ты несешь? – Ее слова совершенно меня потрясли.

– Правда, правда, мама. Мне и тогда так казалось. Она нарочно все это сделала, чтобы он нам не достался. Ну, понимаешь, вместе с собой забрала его на тот свет.

– Чушь. Она так любила жизнь. И себя. Если бы не тот случай, наверняка бы до ста лет дотянула и меня еще похоронила.

– А дядю Жеку действительно жалко, – с грустью произнесла Сашка.

Я ощущала его утрату гораздо сильнее дочери. Евгений был замечательным человеком и очень хорошим мужем. Пожалуй, единственным крупным Жекиным недостатком была его мама, но даже она не могла помешать моему семейному счастью. Он ведь не только Мавру, но и Сашку обожал и относился к ней как к родной дочери. Про себя вообще не говорю: на руках носил (когда эти руки не были заняты его мамой). Но я к тому времени уже достаточно набралась жизненного опыта и понимала – идеальных людей не бывает. У каждого есть какие-то недостатки. Просто одни принять можно, а другие никак нельзя. Гораздо хуже, если муж пьет, или изменяет, или сидит в казино, проигрываясь дотла. Да, Евгений не всегда был с нами, зато я всегда точно знала, где он. У мамы. И поэтому была абсолютно спокойна. Так что во всем есть свои плюсы.

С Сашкиным отцом мы жили куда хуже. Во-первых, поженились совсем юными: и мне, и ему едва по двадцать исполнилось, и оба отличались крайне максималистским настроем. Или все, или ничего. Не слишком конструктивная позиция для семейной жизни. И результат соответствующий получился. Промучившись два года и родив Сашку, мы благополучно расстались и впоследствии ни разу об этом не пожалели. Потом он вообще переселился из Москвы в Хабаровск. Последние пятнадцать лет мы не виделись. Лишь изредка Сашка получает от него открытки и небольшие денежные переводы. В общем, не только для меня, но даже и для нее он давно уже чужой человек. А Жека, который для нее стал родным, угорел вместе со своей матерью на даче. Совершенно нелепая гибель! Главное, и дача-то эта существовала у них давно, сами строили еще при жизни Жекиного отца, и печку он чуть ли не с детства топил. Как такое могло выйти, ума не приложу.

Они с матерью уехали за город на выходные. Телефона на даче не было, а мобильные в те годы были еще редкостью. Словом, я всполошилась, только когда муж в понедельник не явился на работу. Вечером, оставив больную ангиной Мавру на попечение Сашки, я с Жекиным другом поехала проверить, в чем дело. А там два трупа. Нет, не хочу больше вспоминать этот ужас! Даже спустя столько лет страшно! Мавре, когда Жеки не стало, еще трех лет не исполнилось, и отца она не помнит. А я с той поры одна. Вернее, нас трое. Я и девочки.

Мавра подготовилась к контрольной и легла спать, строго наказав мне громко не разговаривать, и когда Сашка явится, велеть ей ходить на цыпочках, потому что у нее, Мавры, завтра тяжелый день и ей требуется хорошенько выспаться.

Сашка заявила около часа. Я как раз к этому моменту успела завершить все свои телефонные переговоры и немедленно потащила старшую дочь на кухню.

– Во-первых, Мавра спит и просила не шуметь, – шепотом объяснила я. – Во-вторых, умираю, есть хочу, и ты, наверное, тоже. И, в-третьих, мне надо с тобой посоветоваться.

Кивнув, Сашка прошествовала на кухню, где с ходу залезла в холодильник и, изучив его содержимое, скорбно констатировала:

– Негусто.

– Зато Мавра нам котлет накрутила и нажарила. Давай разогреем, – предложила я.

– Ни в коем случае! – решительно возразила Сашка. – А то запах на всю квартиру пойдет. Мавра учует, проснется и...

Дочь не договорила, но мне и так было ясно, что последует за пробуждением Мавры. Я согласно кивнула:

– Действительно, лучше холодные, с хлебом и чаем.

Когда мы уже всю жевали, я поинтересовалась:

– Вот у тебя, Сашка, сейчас постоянно кто-нибудь из подруг замуж выходит, и ты на свадьбах часто бываешь. Там как у вас, рисом никто не кидался?

У нее от удивления отвисла челюсть:

– Ма, ты в каком это смысле про рис? Когда кто-то нажрался?

– Нет, еще до того как нажрались. Ну, когда молодые из ЗАГСа выходят или из церкви. Сама небось видела в американских фильмах. Знаешь, такой обычай. Вроде как бы желают молодоженам благоденствия и богатой, сытой жизни.

– А-а, – с полным ртом протянула Сашка. – Твой клиент, что ли, в дочку решил швырять? Им-то какое еще благоденствие нужно? Куда сытнее?

– И правда, – согласилась я. – Девушке только птичьего молока не хватает.

– Странное желание, – сказала Сашка. – Она что, уже беременная?

– Почему беременная? – я не уловила логической связи.

– Ну ты ведь сама только что сказала: ей все время торт «Птичье молоко» хочется. Странное желание для богатенькой девушки. Наверняка беременная. Уж помяни мое слово.

– Сашка, я не про торт, а образно. Неужели не знаешь такого выражения? Когда у человека уже все остальное есть, говорят, что ему только птичьего молока не хватает.

– Выражение знаю, конечно, – дочь моя была явно разочарована. – Просто устала и сразу не въехала. Так какая у тебя там проблема с рисом?

– Сырой кидать или что-то с ним предварительно сделать?

– Черт его знает. У моих подружек только один раз конфетти кидали, прямо за столами в ресторане, и больше ничего. Правда, еще два раза морды били, но это вроде к твоему вопросу не относится. Тем более что били не невесте и не жениху, а гости между собой подрались. Но варить рис я тебе все равно не советую. Липко будет.

Глава II

У меня самой такой большой свадьбы, с лимузином, рестораном и кучей гостей, ни разу не было. Про венчание и вовсе не говорю. Когда я первый раз выходила замуж, венчание в нашей стране, можно сказать, преследовалось. А когда мы решили связать свои жизни с Жекой, уже не преследовалось, но еще не вошло в моду.

Первая моя свадьба была студенческой. Родители с обеих сторон дружно восстали против нашего брака, поэтому денег у нас хватило лишь на то, чтобы посидеть дома с ближайшими друзьями, которые часть выпивки и закуски принесли с собой.

С Жекой вообще было не до свадьбы. Мы оба едва сводили концы с концами. Начало девяностых... В магазинах царил пустота, а деньги обесценивались с каждым часом. Мы забежали в ЗАГС, расписались и ушли домой. Мы и расписываться скорее всего не стали бы, если бы не выяснилось, что я беременна. Жили вместе и жили.

А Саша, старшая моя дочь, которой уже двадцать четыре, замуж еще не выходила и, по-моему, даже не собирается. Во всяком случае, когда я ее спрашиваю, делает круглые глаза и спрашивает:

– Куда ты меня торопишь?

– Да я не тороплю. Просто сама в твоём возрасте уже вышла замуж за твоего отца, успела развестись и у меня уже была ты.

– И ты призываешь меня стать такой же безответственной?

– Почему безответственной? Наоборот.

– Считаешь, ответственно – выскочить замуж, не имея ни кола, ни двора, за такого же неустроенного студента, как ты сама, а потом, еще толком не наладив отношений и не обустроившись, родить ребенка? И к тому же потом еще развестись. По-моему, вопиющая безответственность!

– Сашка, ты напоминаешь мне Мавру.

– При чем тут Мавра? Это обыкновенный здравый смысл. Конечно, вы в свои застойные брежневские годы могли себе позволить действовать подобным образом. Вам ведь все равно больше нечем было заняться. Ничего не светило. Но на дворе иное время. Сейчас такие перспективы! И работу могу найти интересную, и еще одно образование получить. Или вообще куда-нибудь уехать удастся. В смысле поучиться и мир заодно посмотреть. А ты призываешь меня, еще ничего не добившись, засесть дома с ребенком, которого неизвестно на что будет содержать.

– Но ведь муж может работать, – попыталась возразить я.

– Такого кандидата, который в одиночку мог бы достойно содержать меня и ребенка, я еще не нашла, – ответила моя дочь. – Все мои знакомые мужского пола едва самих себя обеспечивают. Но даже если бы я нашла уникальный экземпляр, о котором ты говоришь, зависеть от мужа не входит в мои планы. Сама ведь знаешь, как это ненадежно. Сегодня муж есть, а завтра нет. Или к другой удрал, или его убили, или просто умер. Нет уж, мама, я хочу рассчитывать только на себя. И пока не достигну определенного уровня жизни, ни о каком замужестве даже думать не желаю.

– Саша, но время-то идет. Молодость на карьеру угрожаешь, потом решишь, что замуж пора, а тебя уже никто не возьмет.

– Если карьеру сделаю, то и плевать, – ее ничуть не смутили мои предостережения. – А ребенка можно и в тридцать лет родить, и безо всякого при этом мужа.

– Неужели тебе не хочется обыкновенного человеческого счастья? – удивилась я. – Чтобы рядом был любимый человек, на которого ты могла бы всегда положиться; он души бы в тебе не чаял, и ты бы его любила...

– Мам, кому же такого не хочется? Всем хочется. Но где же это найдешь? Сама-то ты много подобного видела?

– Жека, – вздохнула я.

– Согласна, – кивнула Саша. – Но, как выяснилось, такие долго не живут. Кроме того, я всегда удивлялась, как ты выдерживала приложение в виде его мамочки. Он, по-моему, больше времени проводил с ней, чем с тобой. И кстати, если бы не она, Жека не погиб бы. Ведь это из-за ее капризов ему тогда пришлось в холод на дачу тащиться. Нет уж. Если я и выйду замуж, то мой муж будет жить со мной, а не на два дома.

– Куда же ты его маму денешь?

– Пусть ею ее собственный муж занимается.

– А если мужа в наличии нет? – спросила я.

– Тогда забота моего мужа о ней должна ограничиваться разумными рамками. Иначе это уже какое-то извращение, а связывать свою жизнь с извращенцем я не собираюсь.

Ох, какая же моя Сашка еще молодая и глупая! Невдомек ей, что жизнь требует постоянных компромиссов. Но едва я упоминала об этом, она принималась ожесточенно спорить со мной. Мол, существуют компромиссы и компромиссы. Есть вещи, которые она в корне не приемлет и не желает с ними мириться ни при каких обстоятельствах, потому что это ломает ее как личность.

– И вообще, – продолжала Саша. – Ты не заметила? Большая часть моих подружек еще не замужем. И ведь не то чтобы их не берут. Все при них. И симпатичные, и умные. Работают или учатся, а иногда и то и другое, но ведь не торопятся выйти абы за кого. Считают, уж если строить семью, то как следует. Зачем просто так? Галочку поставить? Была замужем, значит, востребована. Ты на своих-то сверстниц погляди. Ведь почти все разведенные. Тебе еще повезло: второй раз замуж сходил. А большинство так одни и остались, да еще с детьми.

– Сашка, не передергивай! – возмутилась я. – Вот Алла, моя подруга, как в девятнадцать за своего Вовку вышла, так с тех пор и живут. Двое прекрасных детей, даже внучка уже, между прочим, есть.

– Алка твоя – то самое исключение, которое подтверждает правило, – хмыкнула Саша. – Да и то, вспоминается мне, лет пятнадцать назад они с Вовкой, кажется, разбежались на целых два года. Разве не так?

– С кем не бывает, – смущенно пролепетала я. – Но ведь сумели преодолеть кризис, снова сошлись, и теперь Алка говорит, что любит Вовку даже сильнее, чем раньше.

– А может, она так говорит просто потому, что взбрыкнула, но в результате лучше своего Вовы никого не нашла, вот и решила вернуться в тихую гавань? – лукаво покосилась на меня Сашка.

– Это не она, а Вовка взбрыкнул, – уточнила я. – У него возникла любовница. Из учениц. Юное художественное дарование.

– Погоди, мать, погоди, – не дослушала Саша. – Я точно помню, что у Аллы твоей тоже кто-то был.

– Откуда ты знаешь? – я никогда не посвящала ее в подробности интимной жизни своих друзей, и вот нате вам!

– Вы обсуждали, а я подслушивала. Интересно ведь.

Ну ничего от этих детей не скроешь!

– Верно, был у Аллы любовник, – сказала я. – Только Вова про него ничего не знал, да и уходить Алка к нему не собиралась.

– И ты это называешь счастливой семьей? – вознегодовала моя дочь.

– У них был сложный период, но они его преодолели.

– Мама, да зачем было преодолевать? Захотелось им в разные стороны, и разбежались бы.

– Вот они так и сделали на два года, но поняли, что ошиблись и что хорошо им только вдвоем.

– Вот поэтому, ма, я и не спешу замуж. А то выскочишь за первого попавшегося, а потом, в тридцать или в сорок, начнешь сомневаться. Вдруг чего упустила?

Предпочитаю сперва осмотреться, понять, что мне надо, а уж после переходить к оседлому образу жизни.

– Саша, личная жизнь – не компьютерная программа. Всего заранее не рассчитаешь. И люди с возрастом меняются...

– Ты это к чему? – уставилась она на меня. – Не понимаю, ты меня отговариваешь от замужества или, наоборот, уговариваешь?

– Ни то ни другое. Просто пытаюсь тебе объяснить.

– Неужели ты до сих пор не поняла, что на чужих ошибках никто не учится?

– На чужих! – воскликнула я. – И на собственных-то большинство людей не умеет учиться. Раз за разом с умным видом наступают на одни и те же грабли.

– И по этой причине я тоже не тороплюсь. Не хочу наступать на грабли, – заявила Саша.

– Возможно, ты сейчас именно это и делаешь, – возразила я. – Только пойми меня правильно. Практичность – прекрасное качество. Здравый смысл – тоже. Но из твоих приоритетов напрочь пропали чувства. Вот это мне и не нравится.

– Мам, чувства просто подразумеваются, само собой.

– Но тогда что выходит? Ты кого-то встретила. Вы полюбили друг друга, но у вас нет материальной базы. Значит, чувства побоку? Но в таком случае это ненастоящие чувства. Потому что когда они будут настоящие, ты наплюешь на материальную базу. Ты жить без этого человека не сможешь.

– Мама, ты говоришь прямо о каких-то шекспировских страстях. Между прочим, наукой доказано, что подобное долго не длится и не может служить основой для хорошего, долговечного брака. И потом, предположим, встретила я человека, без которого жить не могу, а материальной базы у нас еще нет. Почему обязательно одно из двух: либо сразу жениться, либо навеки расстаться? Ведь можно и подождать. Будем с ним просто встречаться, пока не добьемся такого положения, которое нам позволит построить семью.

– Получается, что самое лучшее – брак по расчету? – спросила я.

– Между прочим, статистика это подтверждает.

– Мне вот только интересно, как твои статистики свои данные собирают? Женихов с невестами, что ли, спрашивали: вы как женитесь, по расчету или по любви? Хорошенький вопрос в день бракосочетания.

– Нет, мама. Через двадцать лет после свадьбы.

Я засмеялась:

– Через двадцать лет большинство уже и не вспомнят, почему они решили пожениться, и напридумают с три короба. А некоторые стесняются, не хотят говорить чужим людям, что действительно чувствовали.

Все-таки Сашкино поколение какое-то совершенно другое. То ли мы в их возрасте были наивнее, то ли они свободнее, и перед ними действительно весь мир открыт? Трудно сказать, в чем дело, но мы совершенно по-иному относились и к любви, и к замужеству.

Для нас Любовь была чувством с большой буквы. Мы ждали ее, предчувствовали и, стоило ей прийти, кидались в нее с головой как в омут. Все остальное в сравнении с ней тут же меркло. А может, наоборот, жизнь вокруг нас была такой тихой и тусклой, что именно любовь расцветивала ее волшебным цветом и она начинала играть всеми красками? И именно любовь придавала смысл нашей жизни, и наши будни переставали казаться серыми? Ушла любовь – и хоть вешайся от тоски. Вот и кидаешься на поиски новой, чтобы не умереть от удушья и скуки регламентированной и расписанной чуть не до пенсии жизни.

Любовь для нашего поколения поистине была «лучом света в темном царстве». Отсюда и бурные романы, и сумасшедшие измены, и скандальные разводы, о коих потом еще долго судачили все родные и близкие. Кто-то выигрывал, находя свое счастье, а проигравший оставался одиноким, но мало кто из нашего поколения складывал руки. Все настойчиво продолжали искать свою любовь и искренне надеялись ее найти. И до сих пор надеются. Как говорится, надежда умирает последней: ведь любовь, есть она или нет, так и осталась главным смыслом нашего существования.

А у нынешних молодых жизнь и сама по себе как цветной калейдоскоп крутится. Все к их услугам. Жизнь бьет ключом. Клубы, кафе, кинотеатры, театры, концерты, выставки, дискотеки, выступления звезд, съезжающихся со всего мира... Только успевай развлекаться. Естественно, для развлечений требуются деньги. Они и становятся главным объектом желания. Без любви жизнь есть, но без денег она мигом лишается карнавальных красок, и ты оказываешься заперт в четырех стенах. Кстати, и стены ведь могут отобрать. И начинается неустанная погоня за золотым тельцом, сияние которого затмевает все остальные краски. Вот Сашкины сверстники и зарабатывают, как могут и чем могут.

С одной стороны, хорошо, что люди заняты делом. Я имею в виду тех из них, кто тратит собственные деньги, а не прожигает родительские. Это отдельная категория, и трогать ее не буду. А такие, как моя Сашка, стараются чего-то добиться. Им кажется, еще немного, еще чуть-чуть, куплю себе то, накоплю на другое, вот потом можно и о любви подумать. Однако для совершенства нет предела. Чем большего добиваешься, тем больше хочется. Да и где он, предел? Когда надо остановиться и прислушаться к своему сердцу? Жалко мне их. Жизнь ведь так коротка. Годы текут, как песок сквозь пальцы, и утекает их самое светлое время. Время романтики, любви и страданий. Ведь страдание – тоже часть большой любви. А у них любовь если и случается, то какая-то будничная. Встречаются, ходят куда-нибудь вместе. Есть возможность – даже вместе живут. Но как-то все у них происходит без огня. Сошлись, расстались. Ни настоящей радости, ни настоящих страданий. Мои ровесницы, если уж расставались с любимыми, то потом не могли их видеть. Случайно где-нибудь столкнувшись, отворачивались друг от друга. Да иные даже теперь, двадцать лет спустя, едва здороваются. А эти могут совершенно спокойно потом дружить, а порой даже изредка продолжают спать друг с другом. Так, по-дружески. Совершенно у меня в голове не укладывается. А для них вроде как норма. Мы сгорали от ревности по поводу одного лишь брошенного на сторону взгляда. А для них, выходит, ревности не существует. Или она проявляется в других ситуациях и по иным поводам? Вот и разберись: мы неправильно жили, придавая слишком большое значение эмоциям, или наши дети утратили что-то важное? Ох, совсем я запуталась... Кто прав? И что может служить критерием правоты? Счастье? Но я не могу утверждать, что они счастливее нас. Да и мы не были счастливее их. Скорее все мы несчастливы по-своему. Просто, видимо, счастье – явление кратковременное. Не успеешь хорошенько распробовать, как оно уже растаяло, улетучилось, а на тебя опять навалились проблемы.

Увы, осознание того, что был счастлив, большей частью приходит потом, когда оглядываешься назад. Поэтому миг счастья практически неуловим. Вспыхнул и погас. А тебе остается лишь вспоминать, как ты грелась под этим светом. Грустно, но факт. И снова несешься вперед по жизни в надежде поймать за хвост птицу счастья. Бежишь, бежишь, а остановишься отдышаться, оглянешься – все уже было там, в прошлом, далеко позади. Ах, «если бы молодость знала, если бы старость могла...». Банально, но мудро. Глядя порой на Сашку, ее подруг и друзей, я вижу: восторженности нашей молодости у них нет, чувства притуплены, словно у стариков. Или, когда все вокруг так ярко и пестро, сама яркость становится обыденной, а на сером фоне любой цвет привлекает и оживляет жизнь?

Вот и Сашка. Встречается с какими-то молодыми людьми, причем с разными. То есть один у нее как бы основной, Витя. По-моему, очень милый мальчик, они учились в одном

институте, уже года три встречаются. Отчего они не хотят пожениться, ума не приложу. Оба работают, да и я с удовольствием им помогла бы. Но нет. О свадьбе никаких разговоров. Мало того, Сашка еще и от встреч с другими молодыми людьми не отказывается. Ходит с ними в разные места. С одним по клубам, другой ее в театры на премьеры таскает, а с третьим она ходит в одну компанию, где ей самой очень интересно и весело, но Витя, по ее словам, туда не вписывается.

Ничего не понимаю! Если тебе самой человек нравится, какая разница, вписывается он в чью-то компанию или нет? Сама туда, в конце концов, не ходи. Я это Сашке однажды сказала. Она возмутилась:

– Вот еще! Почему я должна из-за Витьки отказываться от общения с интересными людьми?

– А представь, если он начнет куда-нибудь ходить, где ты не вписываешься? – спросила я.

– Мам, а он ходит, – спокойно ответила моя дочь. – У него есть компания одноклассников, там меня как-то не очень жалуют, потому что главная у них – его первая любовь. Вот с ней Виктор там и появляется. А она, между прочим, давно уже замужем.

– И как ее муж относится к тому, что она с твоим Витей шастает по гостям?

– Да все нормально, – заверила Саша. – У него своя выгода. Она за это его с компанией на футбол отпускает.

Нет, что ни говорите, я этого понять не могу. Впрочем, по-моему, и у них все не так уж просто. Например, Сашка усиленно скрывает от Вити существование молодого человека, с которым ходит по театрам. Бедный Виктор уверен, будто Сашка ходит на премьеры со своей школьной подругой. Я, естественно, разочаровывать его не стала. А Сашке даже не стыдно. Она мне объяснила, что про подругу Витя сам почему-то решил, и незачем его разубеждать.

– Понимаешь, так проще. В жизни и без того полно сложностей.

– А если он с вами где-то случайно столкнется? – не унималась я.

– Тоже не проблема. Познакомлю их и скажу, что сегодня меня пригласил он. Не отказываться же. И вообще, ма, ты постоянно не о том думаешь.

Может, она права? Действительно не о том? Но у ее поколения и к работе какое-то другое отношение, чем у нас. В нас что вдолбили? Если человек за год поменял два-три места, то он – летун. А для них это норма жизни. Устроился. Не понравилось – уволился или нашел место, где зарплата повыше. Правда, и наниматели тоже такой свистопляске способствуют. Не успеет фирма открыться и штат набрать, как может в одночасье закрыться. Хозяин разводит руками:

– Извините покорно, финансирование кончилось.

С Сашкиной первой работой именно так и вышло, и в результате она первую в жизни зарплату получила вместе с выходным пособием. Правда, только через полгода после того, как ее уволили. Этот хозяин еще честный оказался, сдержал обещание. Другие в подобных ситуациях попросту растворяются без остатка на просторах нашей необъятной столицы.

Сейчас у Саши третье место работы. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, уже почти год там держится. Ее даже успели повысить в должности. В институте она получила крайне широкоформатную специальность: менеджер. Область применения не конкретизировалась. Так что, руководствуясь логикой ее диплома, она вольна работать где угодно. Было бы чем управлять, а остальное, как говорят, приложится.

Теперь моя Саша трудится в консалтинговой фирме. Тоже весьма широкоформатное понятие. Ее контора втягивает клиентов участие в соискании премий. Причем сколько набирается клиентов, столько номинаций и придумывают. Такая беспроектная лотерея. Клиент платит немалую сумму за участие, а за это в очень торжественной обстановке получает почетный знак, грамоту и какую-нибудь статуэтку, изображающую премию.

Я долго Сашку расспрашивала:

– Понятно, зачем это вашей фирме – вы таким образом деньги зарабатываете. Но вот клиентам зачем это надо?

Она пожала плечами:

– Мать, ты с луны свалилась? Соискатели таким образом престиж своих фирм повышают. Грамоту в рамочку, под стекло и на стенку в кабинете генерального, статуэтку там же на полку, чтобы все видели. Плюс освещение в прессе и показ церемонии вручения по телевизору. Это входит в пакет наших услуг. Прямая реклама. А вручение – замечательный информационный повод.

Я по-прежнему пребывала в недоумении:

– В чем престиж-то? Я еще понимаю, если бы вы из десяти одного выбирали и отмечали. А у вас получается все равно как если бы на Олимпийских играх каждому участнику вручали по золотой медали.

Сашка фыркнула:

– А ты думаешь, кто-нибудь отказался бы?

Во! Родила дочерей! Умеют поставить мать в тупик. Ответа у меня не нашлось.

– Вообще-то, – тем временем продолжала дочь, – у нас вроде бы подразумевается, что соискатели сперва подают документы, а эксперты производят отбор самых лучших.

– А эксперты кто? Ты?

– В том числе и я, – кивнула Сашка. – На самом-то деле все совсем не так происходит. Мы с радостью берем всех, кто готов заплатить. Мне, между прочим, от каждого приведенного клиента процент полагается. С другой стороны, можно сказать, в конечном итоге все выходит по-честному. Если они готовы такие суммы выкинуть на ерунду, значит, их фирмы действительно работают и приносят хороший доход. Почему же их не поощрить?

Логика по-своему железная, но мне грустно. Бедная моя дочка! Чем ей приходится заниматься! Для того она институт кончала, чтобы переливать из пустого в порожнее? Однако Сашка со мной не согласна:

– Мама, это такой опыт и такая практика! Я теперь кому угодно что угодно впарить могу. И потом я ведь не собираюсь у них всю жизнь работать. Почти уверена: они через год закроются. Вон их основной конкурент уже лавочку прикрыл.

Услышав название почившей в бозе фирмы-конкурента, я немедленно вспомнила пышные игрища на основных телевизионных каналах с вручением золотых или позолоченных статуэток, явно сдутых с голливудского «Оскара», с выступлениями известных артистов, счастливыми соискателями в смокингах и кринолинах, которые, дрожа от робости и счастья, чуть ли не со слезами на глазах принимали поздравления. И я, дура, смотрела, радуясь успехам нашего бизнеса!

– Сашка, и эти ваши конкуренты такой же туфтой занимались?

– Ровно тем же самым, – подтвердила она. – Да мы вообще с ними когда-то одной компанией были, а потом они от нас откололись. Кстати, мама, – вид у нее вдруг сделался вкрадчивым, – пока мы тоже не закрылись, узнай там у своего руководства, они премию не хотят как лучшие в своей области? Двадцатипроцентную скидку гарантирую.

– Уж не знаю, зачем нам это надо, – растерялась я.

– Тебе-то, конечно, не надо, а у них спроси. Такие вещи, как наши премии, на VIP-клиентов хорошо действуют.

– Ох, Сашка, – вздохнула я. – Уже на родной матери нажитья хочешь.

– Ничего подобного, – отозвалась она. – Будь это твоя собственная компания, я бы тебе бесплатно устроила премию, как особо ценному клиенту. Но так как ты такой же наемный менеджер (то есть «менеджер» на русский манер), то пусть твое начальство выкладывается. Слушай! – По выражению Сашкиного лица я поняла, что ее осенила новая блестящая идея, и не ошиблась. – Мама, – продолжала она. – А может, твоя контора захочет нам торжество по

поводу вручения очередных премий организовать? Тогда, наоборот, заработаете. А то наши прежние партнеры последний раз так напортачили! Торжественная церемония едва вообще не сорвалась.

– А вот по этому поводу могу поговорить, – пообещала я.

– Нет, давай по-другому сделаем. Лучше я сперва со своим руководством переговорю. Чтобы накладок не вышло.

Кстати, и моему поколению в последние годы пришлось попрыгать с места на место. Часть народа, конечно, так и сидит на тех же местах, куда попали по распределению после институтов. Это люди, которые или опасаются малейших перемен в жизни, им даже шаг сделать трудно, или, наоборот, до фанатизма любят свою работу и остались верны ей даже в те годы, когда за нее платили копейки. Но у кого-то работы просто не стало, и пришлось искать новую. Другим перестало хватать на жизнь, и они, чтобы прокормить семью, ринулись в плавание по штормящему морю рыночной экономики. Я оказалась в числе последних.

Вообще-то, согласно полученному диплому я режиссер массовых зрелищ и по молодости работала в Доме культуры при одном крупном промышленном предприятии. После девяти первого года предприятие начало умирать, Дом культуры продали, теперь там казино и рестораны, а я, естественно, осталась на улице. Первое время, пока еще был жив Жека, мы как-то крутились. Мавра была еще маленькая, и я с ней сидела: ясли в ту пору тоже приказали долго жить.

Потом Жека погиб, а я осталась без работы и с двумя детьми на руках. Квартира Жекиной мамы по каким-то неясным причинам оказалась неприватизированной и отошла государству. Нам только вещи разрешили забрать.

В общем, похоронила я мужа и свекровь, продала все, что только соглашались купить, и отправилась устраиваться на работу. Чем я только не занималась!.. Продавала китайские лекарства (до сих пор льщу себя надеждой, что по моей вине никто не отравился!). Потом мы с моей ближайшей подругой Аллой, той самой, у которой муж Вова, заняли деньги и открыли на паях секонд-хенд. Хорошенькое занятие для режиссера и художницы! А что делать?

К большому нашему удивлению, торговля пошла весьма бойко. «Лучшую поношенную одежду из Европы и США», как гласила вывеска нашего магазина, расхватывали. Мы с Алкой быстренько расплатились с долгами и уже подсчитывали будущие барыши, когда к нам неожиданно пришла знакомиться «крыша», пообщавшись с которой и проконсультировавшись с калькулятором, мы с большим разочарованием убедились: «Боливар не выдержит двоих». Если мы станем платить «крыше», бизнес наш рухнет. Прибыль получалась даже не нулевой, а уходила в минус. Недолго погоревав, мы свернулись.

Из остатков секонд-хенда предприимчивая Алла начала шить кукол, а я выступила в роли ее агента, предлагая товар различным салонам, – куклы тогда как раз начали входить в моду. Заработок, однако, получался небольшой и к тому же нерегулярный. Пришлось мне начать активные поиски новой работы.

Глава III

Работа нашлась неожиданно. Прямо на двери собственного подъезда я увидела наклеенную бумажку: «Срочно требуется секретарь на телефоне. Звонить с 11 до 18, кроме субботы и воскресенья». И номер телефона, который всего на две последние цифры отличался от моего собственного. Явно наш микрорайон! Работа рядом с домом! Именно то, что надо! Мне только недавно удалось определить Мавру в детский садик. Значит, если удастся на этот телефон секретаршей пристроиться, все у меня будет, как говорится, под боком. И Мавру вовремя смогу забирать. Ну ее-то в крайнем случае и Сашка домой из детсада приведет. Но главное, далеко ездить не надо, в любой момент смогу добежать до дома, а это для матери-одиночки с двумя детьми крайне существенно. В Москве самое страшное – расстояния.

Я пригляделась к объявлению повнимательней. Совершенно свежее, даже клей не успел застыть. Есть шанс оказаться первой или хотя бы среди первых претендентов на место. Недолго думая, я не просто отодрала телефон от «лапши», а решительно завладела бумажкой целиком и, сжимая трофей в руках, кинулась домой звонить.

Ответивший мне мужской голос несканно удивился:

– Какая вы быстрая! Мы только что объявление повесили. Ну ладно. Приходите. Познакомимся.

Он назвал адрес. Соседний дом, даже улицу переходить не надо.

– Когда вам удобно?

– Да хоть через десять минут.

Мужчина присвистнул:

– Скорости у вас, однако.

– Да просто рядом живу, – немного смутилась я. – Мне было бы удобно, если бы...

– А насчет «если бы», выяснится при личной встрече, – перебил меня он. – Через десять так через десять. Жду.

Над входом в подвал висела строгая латунная табличка с черной гравировкой: «ЗАО «Торжество-интернэйшнл». «Интересно, что за международное торжество такое?» – озадачилась я, пока тянула на себя неподатливую железную дверь.

За ней оказались три маленькие комнатки, только что отремонтированные. Запах свежей краски витал по помещению. Обстановку первой комнатки составляли диван, обитый кожзамителем, стеллаж со скоросшивателями и два стола, на одном из которых располагался компьютер. За столами весело щебетали две девушки лет двадцати. Взглянув на меня, они хором осведомились:

– Вы к кому?

– Я... Я насчет работы, – мужской голос по телефону почему-то мне не представился. Видать, впрямь не ожидал столь быстрой реакции на объявление и был не очень готов к разговору.

– А-а, – протянула рыжеволосая девушка. – Тогда вам к Диме. – Она кивнула в сторону двери напротив.

– Простите, а у Димы отчество есть? – поинтересовалась я.

Мой вопрос поставил ее в тупик. Похлопав густо накрашенными ресницами, она повернулась ко второй девушке – брюнетке.

– Оксана, ты Димино отчество случайно не помнишь?

Та в ответ прыснула:

– Ну ты, Ленка, даешь. Уж отчество генерального могла бы и запомнить, – она перевела взгляд на меня, лицо ее приняло официальное выражение. – Вам к Дмитрию Николаевичу.

Возраст Дмитрия Николаевича явно не превышал тридцати, и в разговоре со мной он сильно смущался. Видимо, пост генерального директора фирмы был ему внове. Да и собеседование он тоже наверняка проводил впервые.

Выяснив мои имя, отчество и фамилию, он надолго задумался и, заполняя возникшую паузу, громко барабанил пальцами по новенькому столу. Я решила ему помочь.

– А не могли бы вы рассказать, чем занимается ваша фирма?

Барабанная дробь резко оборвалась. Дмитрий Николаевич принялся многословно рассказывать, что они организуют различные вечеринки и прочие торжественные мероприятия.

– В общем, делаем «парти» под ключ, – завершил он свой экскурс.

– А в чем будет заключаться моя работа?

– Будете принимать по телефону заказы, искать новые. И, кроме того, заниматься диспетчерской работой. Сотрудники наши могут оказаться в совершенно разных местах и должны быть в курсе, кто где находится, чтобы при необходимости найти друг друга. Понимаете?

– Вполне. Меня все устраивает. Вот только вопрос оплаты...

Дмитрий Николаевич наэлектризованно затих и, выразительно помолчав таким образом минуты три, почему-то вместо того, чтобы назвать сумму, выпалил:

– А вот, простите, сколько вам лет?

– Тридцать семь.

– О-о, – разочарованно протянул он. – А я думал, не больше тридцати.

– Спасибо, конечно, за комплимент, но какая разница? Я же вроде нанималась к вам на телефоне сидеть, а не стриптиз показывать.

– Зачем же вы так, Глафира Филипповна. Я просто имел в виду... Коллектив у нас очень молодой. У вас может создаться психологический дискомфорт. Ну вроде того, что молодые вами командовать будут.

– Что вы из меня старуху-то делаете! – возмутилась я. – До пенсии мне, между прочим, еще далеко. Вот по поводу дискомфорта вы правы: я действительно его чувствую. Но не из-за того, что мной будут командовать люди моложе меня, а потому что работы нет и денег мало. А насчет моего возраста... Знаете, в нем тоже есть свои преимущества.

– А какие? – робко улыбнулся Дмитрий Николаевич.

– Вы можете быть уверены: я наверняка не уйду в декрет.

Он зарделся сильнее прежнего:

– Почему я могу быть уверен?

– Потому что у меня уже двое детей и их надо растить и кормить. Третьего Боливар точно не вынесет.

Дмитрий Николаевич вдруг от души расхохотался:

– Ну вы даете! Не исключено, что мы сработаемся. Вы вообще кто по профессии?

– Режиссер массовых зрелищ. Близко к вашему профилю, между прочим.

– Действительно! – теперь он взирал на меня с интересом. – Да, да, да, наш, абсолютно наш профиль, Глафира Филипповна.

– Можно без отчества, – разрешила я.

– Тогда я тоже просто Дима, – по-моему, он произнес это с большим облегчением.

– Договорились, общаемся без отчеств. Кстати, Дима, у меня еще есть подруга. Профессиональный художник-оформитель.

Он опять задумался.

– Штатных мест у нас, к сожалению, пока больше нет. Но если ваша подруга согласна работать по договору, вероятно, мы воспользуемся ее услугами.

– Меня-то, я не пойму, вы в штат берете или тоже по договору?

– Вас, естественно, в штат, – твердо провозгласил Дима.

– И за сколько? – снова подняла я самый животрепещущий вопрос.

Какое-то время, безмолвно пошевелив губами, он назвал сумму.

– Не густо, – совсем обнаглела я.

– Ну это только для начала. Могу еще добавить к зарплате один процент с каждого найденного вами заказа, – заискивающе улыбнулся он.

Я не собиралась упускать своего счастья и брякнула:

– Три процента.

– Глафира, – простонал Дима. – Без ножа режете, но если вы так же хорошо, как со мной, будете торговаться с заказчиками, то договорились. И еще. Вот сейчас немножко разоведемся и, если мы с вами будем друг другом довольны, получите повышение.

Короче, я была принята. И как выяснила на следующий же день, «Торжество-интернэйшнл» без меня еще и работать не начинало.

Первый заказ в жизни фирмы принесла именно я. И не то чтобы я его искала. Он сам ко мне пришел. Без преувеличения, своими ногами. Из офиса по соседству. Над моим столом нависла скорбная фигура в темном, которая не менее скорбным голосом изложила свои пожелания.

Сказать, что я была ошарашена, значит ничего не сказать. Нам предложили... организовать поминки. Потрясенная таким поистине нетривиальным почином «Торжество-интернэйшнл», я тем не менее и глазом не моргнула. Работа есть работа. И поминки в конце концов мероприятие торжественное, пусть и печальное. Надо же хоть с чего-нибудь начинать. Одни начинают за здоровье, а мы – за упокой. Не беда. Есть надежда продолжить за здоровье.

Единственная беда заключалась в том, что немногочисленный штат нашей конторы в силу своего юного возраста имел крайне смутное представление о том, что такое поминки и как их организовать. Зато у меня, увы, был большой опыт, и он в данном случае оказался бесценным.

Пришлось мне взять дело в свои руки и руководить молодежью. Погибшего вице-президента соседней конторы мы помянули по высшему разряду. А я, не успев толком поработать на телефоне, была переведена в старшие менеджеры и продолжила руководить молодежью. Дима довольно скоро признался:

– Глаша, просто не знаю, что бы я без тебя делал, – к тому времени мы все уже были на «ты».

Кстати, поминки на долгое время стали одной из основных наших статей дохода. Они же помогли нам пережить девяносто восьмой год, когда в кризис стало нечего праздновать, а поминки справляли по-прежнему. Так что, как ни парадоксально это звучит, тот, первый, заказ стал для нас счастливым.

Люди, присутствовавшие на первых организованных нами поминках, рассказали о нас своим знакомым, и к нам потихоньку потек народ. А со временем у нас появились заказы на действительно праздничные торжества. И тогда мне удалось подключить к работе Аллу.

Предложение ей пришлось весьма кстати, ибо доходы от кукольного бизнеса стали совсем уж нерегулярными, а муж ее Вова все еще продолжал стоять в позе.

В этой позе Вова, можно сказать, застыл Лаокооном с конца восьмидесятых. Очертания позы провозглашали следующее. Он, Вова, живописец, творец, и размениваться на массовое искусство, равно как потакать дурному вкусу дикой и необразованной толпы, не намерен. Принципы, конечно, высокие и, вероятно, даже достойные уважения. Однако всем, как известно, надо чем-то питаться, в том числе и Вове, который это дело очень даже любил. Собственно, и выпить любил. И при всех высоких художественных устремлениях ни от пищи, ни от выпивки отказываться не собирался. Высокое же Вовино искусство никак не желало приносить дохода. Так что обеспечение физиологических потребностей творца целиком легло на Алкины плечи.

На этой почве, ну, может, и не совсем на этой, но просто так совпало, у Вовы с Аллой возникли серьезные разногласия, и он вместе со своей юной пассией отбыл в далекую заброшенную подмосковную деревню, чтобы жить там натуральным хозяйством и заниматься высоким искусством.

– Мне много не надо! – с пафосом провозглашал он. – Хлеб, молоко, картошка. Это все можно вырастить своими руками, а в свободное время творить. Мы будем вести простую жизнь, которая ничем не отвлекает от творчества!

Алка не рыдала и не плакала. Она злорадствовала:

– Так этому идиоту и надо. Пускай в дерьме покопается со своей молодухой. Мне, Глашка, даже интересно, сколько они выдержат и кто первый сломается. Картошку он будет выращивать! Да он даже чистить ее не умеет. А уж о том, где и как она растет, вообще имеет смутное представление.

– Алка, не передергивай, вы ведь с ним в институте как раз во время картошки познакомились, – напомнила я.

– Это только так называлось: послать на картошку, – ответила она. – А послали нас убирать свеклу. Но мы с Вовкой и ее не убрали. На второй день оба простудились, нас с сельхозработ сняли и откомандировали в правление колхоза стенгазету для них рисовать, потому что в районе проходил смотр наглядной агитации, и они с нашей помощью заняли на нем первое место. Кроме этой газеты, мы им еще несколько стендов оформили. – Алка мечтательно закатила глаза. – Эх, где же наша молодость! Мы с Вовкой благодаря этой наглядной агитации и сошлись. Нам ведь в правлении отдельную комнату выделили со столом и диванчиком. Ох, какой был диванчик! Мы сперва рисовали, а потом запирались и этот диванчик «обживали». До сих пор удивляюсь, как он только нас выдерживал. Тогда Вовка по этому делу был молодец! Нет, Глаша, ты только подумай: натуральным хозяйством они жить собрались! Да он вообще не знает, какой стороной лопату в землю втыкать! А можешь себе представить, как он будет корову за сиськи дергать, чтоб из нее свою простую пищу добыть?

– Нет, – честно призналась я. – Вот как он свою молодуху дергает, еще представляю.

– Фу! – обиженно скривилась моя подруга. – Зачем ты мне про эту дуру все время напоминаешь!

– Извини. Просто к слову пришлось, в связи с коровой.

– Вот насчет коровы ты права, – моментально развеселилась Алка. – Вылитая корова. И сиськи, и задница, и глаза. И в мозгах одна извилина. Но... – Она вздохнула. – Против молодости не попрешь. И сиськи у нее не висят, а стоят, потому как еще не рожала.

– Можно подумать, ты старая. Тридцать два года.

– Во всяком случае, уже не молодая, – совсем загрустила она. – А мужик, как известно, свежачок любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.